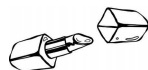

Глава 1

Яна Карловна Цветкова на окружающих производила неизгладимое впечатление. Ей было за сорок, но сколько лет, Яна никогда не уточняла. Она была высока, стройна, густые светлые волосы касались талии. У нее были красивые ладные ноги с тонкими щиколотками, изящные запястья, точёная шея. Цветкову часто принимали за профессиональную модель, но на самом деле у нее была совсем иная профессия. Она представляла занятие модными тряпками скучным — плясать под чужую дудку, слушаться модельера, стилиста, фотографа... Ну уж нет! Молчать и подчиняться она не умела, и все бы ее попытки влиться в стройные ряды измождённых диетами манекенщиц закончились бы, как всегда, грандиозным скандалом.

Цветкова родилась в необычной семье мастера по изготовлению гробов и ведущей актрисы Театра юного зрителя. Родители развелись, когда она была в подростковом возрасте, что не удивительно, уж очень разными они были. Родители Яны больше не

Матвеева Луиза

искали семейного счастья. Отец умер рано. Скончался прямо на кладбище. Мать самозабвенно продолжала служить Мельпомене. Яна росла за кулисами, видела каждый спектакль по сто раз. Иллюзий по поводу «небожителей» у нее давно не было, потому что она наблюдала театральную кухню изнутри. Принц-красавчик снимал парик, корсет и превращался... в пузатую тыкву. Красная Шапочка хлестала коньяк, курила и разговаривала таким хриплым свистящим басом, что никакой волк бы не выдержал — сдох бы от нервного припадка. Вместо свежих пирожков, которые Красная Шапочка несла бабушке в корзиночке, лежали пластмассовые муляжи, об один Яна сломала молочный зуб. Театр Яне не казался сказочным местом, а только помещением с тесными гримёрными, узкими проходами, тусклыми лампами, пыльным реквизитом и вечно грызущимися между собой недовольными жизнью и друг другом артистами.

Театр Яну не привлекал абсолютно. В то время как многие девушки мечтали поступить в театральный институт, чтобы потом блистать на сцене или сниматься в кино, Яна для себя сразу же решила: какая угодно, только более серьезная профессия. А ведь и мать, и ее сослуживцы-артисты пророчили ей именно карьеру артистки. У Яны находили артистические задатки, которые ей бы недурно было развивать. Девочка занималась танцами, училась в музыкальной школе, ходила в театральный кружок, но самой большой страстью в ее жизни стало рисова-

Брадобрей для Старика Хоттабыча

ние. Яну пленил запах масляных красок, вид мольберта, жёсткие и мягкие кисточки. Белый лист ватмана приводил ее в восторг, она даже пробовала кончиком языка на вкус акварельные краски — они казались ей глянцевыми разноцветными помадками. К слову сказать, акварельки у юной Яны получались недурные.

Валентина Петровна, мать Яны, всё-таки в тайне надеялась, что ее Янка всё-таки придёт служить в театр. Она даже упростила режиссёра занять дочь в некоторых спектаклях, и Яна играла маленьких девочек, а порой и мальчиков. Яна матери не перечила, но и к театральной жизни относилась холодно.

Творческий коллектив театра в городе Волжске был, скажем, не очень молодой, но новичков в труппу старались не брать — своим ролей не хватало. Поэтому если и появлялся в театре выпускник театрального вуза или блатной, которого старались пристроить по знакомству, долго он на этой сценической площадке не задерживался. Серпентарий единомышленников не давал ему никакого шанса пустить корни на сцене детского театра.

Яна как-то присутствовала при жутком скандале. Молодая зарёванная актриса, ворвавшаяся в гримёрку, где находились ее мать и Коровкина, орала как иерихонская труба:

— Старые хрычовки, выдры шипаные! И когда вас только чёрт в преисподнюю уволочёт! Что глаза отводите, не смотрите на меня? Думаете, я вам на́

смех далась? Звёзды погорелого театра! Свили змеиное гнездо в своей Тухляндии, кобры беззубые! Думаєте, если я молодая артистка, так надо мной можно измываться? Ну уж нет! Фиг вам! Меня, между прочим, в Москву приглашают на пробы. Да-да, один очень известный режиссёр. А что вы воображали — я с вами тут весь век буду куковать? Я знаю, чьи это прёиски... Знаю! И пощады вам не дожидаться, так и знайте. Ничего себе распределение ролей! Я — Колобок! Мне, с моими внешними данными, играть Колобка в вонючем поролоновом костюме, задыхаясь от жары, а вы, замшелые гримзы, будете скакать по сцене в костюмчиках Лисы да Зайчика да танцы под балалайку выкаблучивать! Это-то с вашими подагрой и радикулитом! То ли пляска лесных гадюк, то ли танец святого Витта, прости господи. Дранные обезьяны! Вы еще меня попомните!

Фурия вылетела за дверь, растолкала столпившихся в дверях привлечённых ее воплями артистов, с наслаждением наблюдавшими за этим бесплатным спектаклем, и яростно застучала каблучками вниз по лестнице. От ее визга шляпа с траченным молью пером из сказки «Кот в сапогах» плавно спланировала с пыльного шкафа на пол.

К чести немолодых актрис надо сказать, что во время этого представления ни Валентина Петровна, ни Клавдия Ильинична глазом не моргнули, словно мгновенно обе оглохли. Одна спокойно приклеивала к своим ресницам пёрышки райской птички для об-

Брадобрей для Старика Хоттабыча

раза Жар-Птицы, а ее подруга и напарница Коровкина непринуждённо брила ногу.

— Мама, что здесь происходит? Крики на улице слышны, — поинтересовалась Яна, войдя в гримборную и убирая шляпу кота обратно на шкаф.

— Лизка с глузду съехала, ничего страшного, — ответила ей спокойно мать. — Видишь ли, распределение ролей ей не понравилось! Не видит она себя в роли Колобка, дура профнепригодная. Я в ее возрасте однажды даже табуретку играла, ну и что? Не умерла же я от стыда в страшных судорогах, жива-живёхонька, как видишь. А она думала, что ей будут предлагать только роли принцесс и сказочных красавиц! Ха! Фигу ей, а не хрустальные башмачки! Начинаящий актёр должен пройти и Крым, и рым, приобрести творческий опыт. А ей всё сразу на блюдечке с голубой каёмочкой подавай! Нет, так не бывает. Не нравится роль Колобка — катись колбаской по Малой Спасской! Тебя здесь никто не держит! Лети, ты свободна, как ветер! Перо Лизке в одно место... — И Валентина Петровна взмахнула своими новыми ресницами, пристально глядя в зеркало. Кажется, результат ее удовлетворил.

Клавдия Ильинична поддержала подругу, принимаясь за другую ногу:

— Права Валечка, ох как права! Распустили мы нашу молодёжь! Не успела из подгузников выпростаться, и уже роль Лисы ей подавай! А подумала бы она своими куриными мозгами, как мне, например, в душном закрытом костюме с моей гипертонией!

Сразу же давление поднимается. Ну никакого уважение нету, честное слово, один пофигизм! Да эта фря ни в одной труппе не уживётся, с ее-то характером истеричным. Тьфу ты, вот даже порезалась из-за нее... Шмакодавка!

— Да вы-то сами невинными овечками не прикидывайтесь, — хмыкнула Яна. — Знаю я вас. Схрумкали девчонку и не поперхнулись.

— Что ты, Яночка! Что ты! Ты же сама всё видела и слышала! Мы же ей ни одного дурного слова не сказали, а с ней-то просто истерика. Метёлка припадочная... — пожала плечами Валентина Петровна.

— Так вы же и довели ее до припадка! Я что, не знаю ваши таланты?

— Хоть кто-то отметил наши таланты, и на том спасибо, — Клавдия Ильинична закончила бритье и довольно оглядела результат своей работы.

Яна плюхнулась на вытертый продавленный диванчик.

— Хорошо, мама, что я не захотела стать актрисой. Представляю, как бы вы меня тут гоняли и в хвост, и в гриву.

— Янка, ну что ты такое говоришь? — Валентина Петровна накинула на плечи боа из перьев и критически осмотрела себя в зеркале, поворачиваясь перед ним то так, то эдак. — Ты же нам не чужая, роднуля. Ты для нас своя, и в твоём творческом потенциале мы не сомневаемся, — успокоила Яну матушка.

— Вот вы и прокололись! Своя — примем, не своя — так доведёте до белого каления.

Брадобрей для Старика Хоттабыча

За дверью гримуборной послышалось деликатное покашливание и негромкий стук в дверь. Не дожидаясь приглашения, в гримёрку вальяжно вплыл известный повеса, любитель женщин, заслуженный артист и ведущий актёр театра Иван Демидович Головко.

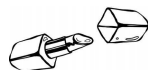
— Девочки, не ссорьтесь, — сказал он и тяжело опустился на диванчик рядом с Яной.

Головко был настоящий театральный лев. Высокий, громогласный, импозантный — его назначали на все главные мужские роли, он умудрялся играть даже молоденьких принцев. Женщин любил до умопомрачения, жил на широкую ногу, не гнушаясь никакими приработками, но семью так ни разу и не создал. Женщин через его руки прошло — тьма, но он так и не остановил ни на одной свой выбор. Положа руку на сердце, можно было сказать, что и муж из него получился бы некудышный. Отправь такого бонвивана мусорное ведро вынести! Женщины интуитивно, наверное, это понимали, и ни одна не решилась опутать Ивана Демидовича брачными узами. Расставался он обычно со своими пассиями легко, никогда не нагружая себя женскими проблемами.

Иван Демидович вальяжно откинулся на спинку диванчика и сообщил новость:

— Слыхали? Говорят Лизка, ну та, что новенькая, уже заявление на увольнение подала. Это не вы ли, мои кобродки, довели девчонку?

— Стукнуть бы тебя чем-нибудь по голове, Ваня, за такие слова, да что толку? Ты же башкой всё рав-

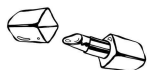
но не думаешь. Недоволен, что очередная жертва ускользнула из твоих цепких лап?

— Не говори глупостей, Валюшка! Женщин на мой век хватит. Мне ведь любая интересна — и блондинка, и брюнетка, и худенькая, и толстенькая — всех обожаю. Так что можете за меня не волноваться, я не пропаду. А уж тебя с Клабочкой вообще боготворю, подруги мои боевые!

— Ну, конечно! — воскликнула Клавдия. — Куда же ты без нас! Помнишь на гастролях в Архангельске я тебя в два часа ночи из отделения полиции выручала? Ты ведь нахлестался как свинья и песни стал орать дурным голосом, да не где-нибудь, а под окнами тамошнего прокурора. Тебя и скрутили.

— А когда ты пьяный в коровнике уснул, — добавила Валентина Петровна, проведя пуховкой с пудрой по носу, — утром всех доярок до смерти перепугал! Коровы заикаться начали! Мы тогда ходили к председателю колхоза объясняться, помнишь, Клабочка? — повернулась Валентина Петровна к Коровкиной. — Стыд и срам, Иван! Зачем ты в коровник, прости господи, полез? Что ты там забыл?

— Ну, я же тебе уже объяснял. Понравилась мне на концерте одна симпатюлечка, я к ней подкатил, автограф, то да сё. Оказалось, доярка. Экзотика! Я ей свидание назначил в коровнике, а она, ветреница, не пришла. Я ждал, ждал, бутылку портвейна, что для нее приготовил, выкушал, конфетками закусил и уснул на куче навоза. Ну, конечно, утром у меня вид был еще тот, недаром доярки визжали, как резаные.

Брадобрей для Старика Хоттабыча

— Ты, Ваня, на выдумки горазд. За тобой глаз да глаз нужен. И когда только ты утомонишься, ведь не мальчик уже, посмотри, вся голова седая.

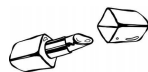
— Не утомонюсь. Это не в моих правилах. — Иван Демидович поднялся и направился к двери. — Прощайте, кукушечки мои. Яночка, ты со мной? Могу подбросить тебя до дома, я сегодня на машине.

Яна вскочила с диванчика.

— До свидания. — Она с облегчением покинула гримёрку, еще раз мысленно поздравив себя, что выбрала профессию себе по душе.

Яна с отличием окончила стоматологический факультет медицинского института и своей профессией гордилась.

К сожалению, ей не пришлось вкусить молодой, весёлой, студенческой жизни. Она очень рано вышла замуж, и студенческие тусовки были не для нее. Студенческие браки, как правило, редко бывают крепкими. Молодость и гормоны своё берут — в голове ветер, жизненного опыта никакого. Молодые люди в этот период очень впечатлительны, горят желанием получить новые эмоции и ощущения. Не думая о последствиях, они могут совершать совершенно невозможные, зачастую безрассудные поступки. Для них в этот период нет авторитетов, они всё знают лучше всех. Брак Яны с Юрием Раловичем оказался ошибкой. Юра по уши влюбился в Яну и был готов носить ее на руках, но она вскоре поняла, что ее избранник может лишь отлично танцевать брейк,

но к ответственной семейной жизни абсолютно не готов. Они расстались. Ралович пережил развод очень тяжело, мужчинам вынужденное расставание даётся труднее, они становятся менее уверенными в себе и часто теряют почву под ногами.

Вторым мужем Яны стал культурист Стадник. По случайности его тоже звали Юрием, так что ей не пришлось даже привыкать к новому имени. Роман у Яны со Стадником начался еще в ту пору, когда она была замужем за Раловичем, и это в какой-то мере послужило распаду их брака. Стадник был хорош собой необыкновенно, но кроме секса Яну и его ничего не связывало. Влюблённость приходит к каждому человеку на определенное время, а потом оказывается, что тебе и поговорить с мужем не о чем. Так получилось и у Яны. С каждым днём Яна всё дальше отдалялась от своего мужа и этим вызвала неукротимую ярость свекрови, матери Стадника. Из-за разлада в семье Юрий начал пить и вскоре так увяз в этом занятии, что до конца жизни уже не смог избавиться от порочной привязанности. Во время семейной жизни в голову Стадника втемяшилась идея эмиграции. Ему захотелось уехать в Америку. Что он там будет делать и кому он там нужен, Юрий не задумывался и ответить на этот вопрос вразумительно не мог. Яна училась в институте, у нее дома оставались мать и бабушка, и она думать не думала покидать родину. Но Юрий упёрся как баран и вскоре отбыл на чужбину. Семья распалась.

Брадобрей для Старика Хоттабыча

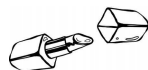
И с первым, и со вторым мужем Яна прожила только год.

Яна ушла в учёбу с головой, но не думать о своей женской судьбе она не могла. Да и как не думать? Ей двадцать лет, а за плечами уже два неудачных брака. Что с ней не так? В чём она виновата? Ведь поначалу казалось, что ее брачный союз нерушим, что она стала с любимым единым целым, а через год — на тебе — развод! Конечно, фактически все люди в течение жизни меняются, но меняются они, как правило, с разной скоростью. Вот, например, она — учится с отличием, интересуется искусством и спортом, ушла в своём развитии далеко вперёд, а Юрий... А Юрий остался на прежнем уровне, для него самое главное — это максимальное развитие всех мышечных групп и эталонное построение любимого тела. Ну, кому это интересно, кроме самого Юрия?

Сверстницы Яны только-только входили во взрослую жизнь, выскакивали замуж и рожали детей. Яна же даже думать о новом замужестве не могла, двух браков ей хватило с лихвой. Но человек, как говорится, предполагает, а бог располагает.

Однажды Яне показалось, что она наконец-то встретила идеального мужчину. Им оказался бизнесмен Ричард Тимурович Алисов. Мать Яны, не жалея слов, расхваливала нового знакомого дочери на все лады.

— Серьёзный человек! Не танцор, не качок! — твердила Валентина Петровна. — Порядочный, спокойный, домашний! Лучший для тебя муж, а для

меня лучший в мире зять. Я уж и не надеялась, что на твоём пути встретится такой мужчина. И помни, что бог любит троицу. Третье твоё замужество будет успешным!

Уже много позже Яна поняла свою ошибку. Да, она зацепилась за делового мужчину, он привлек и умом, и надёжностью, но она больше следовала советам окружающих людей, чем своим чувствам. Ей очень хотелось, чтобы у нее наконец-то всё стало как у нормальных людей, стало так, как она это себе представляла. Ричард дал ей семейное счастье.

Чуть за тридцать Яна родила Вовочку, и ее матери показалось, что теперь-то она может вздохнуть спокойно — судьба дочери в надёжных руках.

Сын достался Яне очень тяжело, она сразу же поняла, что такой подвиг ей больше в этой жизни не повторить. Ей и так было уже не двадцать лет. Ричард обучил Яну основам бизнеса, и она открыла свою стоматологическую клинику. Деньги ей буквально упали с неба — Цветкова получила неожиданное наследство из-за границы. Каким-то непостижимым образом о нежданном богатстве пронюхал ее бывший муж Юра Стадник и, желая без особых хлопот разбогатеть, решил заново заполучить Яну в жёны. Он вернулся в Россию и начал обхаживать Цветкову со всех сторон. В его не очень здоровой голове зародился идиотский план — убить Яну, чтобы стать богатым вдовцом. Яна оказалась крепким орешком. Стадник потерпел поражение, а Яна после всех потрясений вернулась в лоно семьи.

Брадобрей для Старика Хоттабыча

Семейная жизнь ее была скучна и приторна до зубовного скрежета. Обожающий ее Ричард представлялся Яне ангелом во плоти. Все были счастливы, все, кроме самой Яны. Ей казалось, что она попала в розовую шкатулку, украшенную кружавчиками, где ее кормят одними тортиками и пирожными с жирным масляным кремом, а вместо перекуса дают пососать чупа-чупс. Это было кошмарно, паточно до тошноты. Яна конечно же понимала, что у нее крепкая нормальная семья, но почему-то такая жизнь ей совсем не нравилась.

— Может, я не семейный человек? — спросила она как-то у своей единственной и неповторимой подружки Аси Кудиной, решив поделиться своими переживаниями.

— А, по-моему, ты просто зажралась, — отрезала Ася.

С Асей Яна дружила с детского садика, такое тоже бывает. Потом они учились в разных школах, но постоянно общались, каждый день перезванивались, подолгу болтали, встречались не менее одного-двух раз в неделю. У Аси были очень строгие родители, и был период, когда они запрещали дочери общаться с хулиганистой Яной. Янка всегда выглядела экстравагантно, постоянно влипала в разные истории, у нее имелась не менее своеобразная мать-актриса, и росла Яна в неполной семье. Всё это родители Аси Кудиной считали неблагоприятными обстоятельствами.

Но девочек-подружек, а потом и взрослых женщин невозможно было разлучить, они были не раз-

